

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 257–264.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 3. P. 257–264.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 323.272(091)(47+57)«1917»

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-257-264

«ЧЕЛОВЕК ОБРЕЧЕН НА ИСПЫТАНИЯ ИСТОРИЕЙ...»

Рецензия на книгу: Булдаков Владимир.

Страсти революции: Эмоциональная стихия 1917 года.

М.: Новое литературное обозрение, 2024. 432 с.: ил.

(Серия «Что такое Россия»)

Антон Олегович Кондратенко

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия, aokondratenko@edu.hse.ru

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кондратенко А. О. «Человек обречен на испытания историей...» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 257–264. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-257-264.

“MAN IS DOOMED TO THE TESTS OF HISTORY...”

Review of the book: *Buldakov Vladimir*.

Passions of the Revolution: The Emotional Elements of 1917.

Moscow: New Literary Review, 2024. 432 p.: ill.

(Series “What is Russia”)

Anton O. Kondratenko

National Research University

“Higher School of Economics” (HSE University),

Moscow, Russia, aokondratenko@edu.hse.ru

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kondratenko, A. O. (2025) “Man is Doomed to the Tests of History...” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(3), pp. 257–264. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-257-264.

Осмысление событий 1917 года, разделившего историю России на «до» и «после», — процесс, не имеющий видимых пределов. Едва ли историкам, политикам или простым обывателям удастся прийти к консенсусу в оценках двух революций: Февральской и Октябрьской. Между тем современные исследования и дискуссии по теме революции часто вплетают в исторические факты эмоции и переживания дня сегодняшнего, что чревато порождением и укоренением в истории мифов и идеологем, сформулированных «задним числом».

Книга доктора исторических наук, главного научного сотрудника Центра изучения новейшей истории России и политологии Владимира Прохоровича Булдакова «Страсти революции: Эмоциональная стихия 1917 года», напротив, посвящена умунастроениям людей именно *того* времени. Автор предлагает исследование коллективной психологии российского общества революционного периода, своего рода эмоциональную хронологию «русской смуты». В основе работы лежат как прежние исследования автора, так и свидетельства очевидцев и непосредственных участников событий 1917 года. Вместе это позволяет взглянуть на события не только ретроспективно, но и с позиций людей, находившихся внутри революционной стихии.

В своей работе Владимир Булдаков смещает привычные акценты — вместо идеологизированных интерпретаций русской истории, воспроизводимых в отечественном дискурсе на протяжении многих лет, автор фокусируется на ментальных особенностях российского народа, проявившихся в экстремальных условиях революции. По его мнению, такой подход — единственный способ преодолеть недостаток исторических обобщений и заблуждений, присущих человеческому сознанию.

«Страсти революции: Эмоциональная стихия 1917 года» — это попытка понять феномен революционной стихии, отделив друг от друга эмоциональные и рациональные причины описываемых социальных катаклизмов. Проникновение в эмоциональную суть тогдашних событий, в «ментальную ткань» России образца 1917 года отличается от общепринятых попыток осмысления революции. Булдаков замечает: «Разложение сложноорганизованной системы всегда вызывает поток простейших объяснений. Они востребованы познавательными слабостями человека...» (с. 13).

Известно, что знание прошлого открывает путь к пониманию настоящего. И отголоски потрясений столетней давности, прорывающиеся сегодня, доказывают необходимость адекватного осмысления исторических событий. Как пишет автор, «водовороты человеческих самообольщений могут повторяться до бесконечности» (с. 17). Истокам этих «водоворотов» в российском сознании начала XX века и посвящен труд В. Булдакова.

Книга состоит из 22 глав, последовательно фиксирующих события и общественно-политическую атмосферу в России с февраля по октябрь 1917 года. Сочетание исторических фактов, выдержек из мемуаров деятелей прошлого и авторского анализа делает книгу не сухим перечнем дат и событий, но «живым» полотном революционной эпохи. Такая композиция позволяет автору обращаться к читателю, «далекому от академических штудий» (с. 18).

Владимир Прохорович подчеркивает: «...по своей документальной основе данная работы не представляется совершенно новой. Новизна заключается лишь в концентрированной подаче материала, который остался незамеченным в прежних моих работах» (с. 17). Стало быть, книга содержит не сенсационные исторические открытия, а аккуратное переосмысление уже имеющегося в историографии материала. Именно с таким подходом следует приступать к знакомству со «Страстями революции».

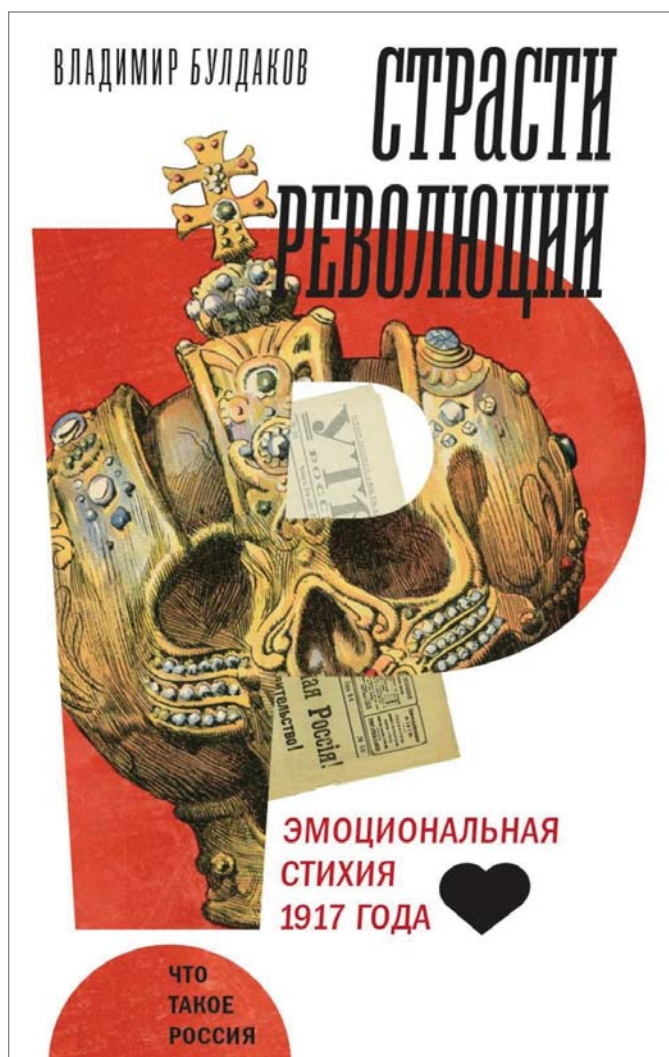
Книга представляет собой исследование ментальных процессов периода между февралем и октябрём 1917 года. С этим хронологическим порядком соотносятся и главы, каждой из которых Владимир Булдаков дал особое название. Среди заголовков можно найти и вопросы, и утверждения, и едкие оценки си-

туации в определенный момент революционной поры.

Начало работы, как и начало 1917 года, является лишь «предисловием» к стихии, которая разольется — в истории страны и на страницах книги — совсем скоро. Автор представляет читателям политическую картину в преддверии Февральской революции. Ключевым пунктом первых глав служит констатация Булдаковым ожидания революции российским обществом при его же полном бездействии. Люди были готовы к революции «только в мечтах» (с. 123), и это сказалось на хаотичности и сумбуре, охвативших Россию.

Несмотря на предчувствие и желание радикальных изменений в обществе, жители Империи, как только эти изменения неотвратимым образом стали реализовываться наяву, оказались растерянными. «Людское сознание рыскало в поисках точки опоры. Бывшие подданные царя, вроде бы превратившиеся в свободных граждан, по-прежнему озирались на место, где полагалось быть Власти» (с. 33–34). Та неопределенность, в которой пребывал российский народ, по мнению Булдакова, убедительно доказывает стихийный характер революции. Она не была намеренной, но казалась неизбежной. Поэтому ее наступление большинство граждан восприняло как естественный ход вещей, в котором неожиданным был только момент начала революции.

Стихийный характер революции определил ее самостоятельный, бесконтрольный ход, где воля случая преобладала над разумными устремлениями отдельных лиц. Владимир Булдаков отмечает, что к революции люди были готовы лишь как к некому абстрактному проекту будущего: как только она начала приобретать хоть сколько-нибудь видимые очертания, стала очевидна растерянность и недееспособность так долго грезивших о ней интеллигентов-

доктринеров. В их действиях «было мало политики — было много наивной радости по поводу “новизны”» (с. 57).

«Попросту говоря, россиянин не был отформатирован для демократии, но этого не хотелось замечать» (с. 428). В этом и кроется причина тех нелепостей и неведомых сил, овладевших умами и ситуацией в первые месяцы после Февральской революции. Революционная обстановка изнутри воспринималось зачастую неадекватно: хлынувшая свобода и слом привычной системы позволили прорваться наружу эмоциям и страстям, таившимся внутри людей десятилетиями, если не сотнями лет.

Эти наблюдения характерны для всей революционной поры, а не только для отдельных ее эпизодов. Владимир Булдаков последовательно доказывает справедливость таких оценок ментального кризиса российского общества, связывая рост эмоциональных волн с историческими событиями 1917 года. Не вдаваясь в подробное изложение фактического материала, попробуем сформулировать главные эмоциональные симптомы эпохи, зафиксированные автором:

- Благородные чаяния общества о революции быстро сменились «суровой» реальностью смуты, полной анархии и разгула вседозволенности, прикрываемых утопическими идеями;
- Хаотическая природа революции диктовала ее хаотичный ход. Как заметил Ф. Степун, «душою революции был хаос, оттого и авторитетом для революционных масс мог быть только хаотический Совет» [Степун, 1956, с. 48];
- Катализаторами этого хаоса стали «страхи в верхах и непомерные надежды в низах» (с. 85). Серен Кьеркегор считал, что страх — это головокружение свободы. Булдаков соглашается, прибавляя: «совладать с ним [страхом] в России не научились» (с. 86);
- Перепады настроений в обществе возникали постоянно: революционная масса то «взвинчивала себя все новыми “победами”» (с. 140), то заражалась страхами и разочарованиями. Характерно, что к апрелю, когда «стали плодиться всевозможные страхи <...> мартовские страсти еще не остыли» (с. 153). Сочетание двух предельных душевных состояний отравляло способность критического мышления внутри смуты, что множило дальнейшие неурядицы;
- Российское общество, спустя пару месяцев после февраля 1917-го, стало уповать скорее на чудо, нежели на саму революцию. В моменты, когда требовались немедленные усилия и конкретные шаги, экзальтированные массы и правящие группы оставались громкими ораторами, но пассивными деятелями. «Пафос испепеления всего старого» (с. 175) безрассудно владел умами, заглушая малочисленные созидательные устремления.

Предложенные Булдаковым зарисовки того времени, мемуары и официальные сводки подтверждают тезис о примате в ту пору эмоций, часто неведомых, над рассудочно-логическим мышлением.

В революционных событиях 1917 года обнажились принципы русского бунта, не раз описанного отечественными писателями и философами. Отголоски пугачевщины, зарисованной Пушкиным, вседозволенность и «бесовщина», о которых пророчествовал Достоевский, стали явью.

Не только причиной, но и направляющим революционные события фактором явилась пропасть между интеллигенцией и народом, укрепившаяся за многие предшествующие годы. В «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский указывал на необходимость контракта интеллигенции с народом, который, к сожалению, так и не осуществился в полной мере. Более того, Владимир Булдаков небезосновательно считает, что в 1917 году «нарасталась поляризация сознания верхов и низов. При этом ощущение “мы” и “они” неуклонно перерастало в вопрос “кто кого?”» (с. 343).

Ретроспективно обнаруживается, что «тогдашние события были наполнены жутковатой символикой, не замечаемой, казалось, одними политиками» (с. 62). Понимание этого было недоступно людям, находившимся внутри «водоворота страстей» (с. 180). Предчувствие перманентного ухудшения положения и парализующий всю деятельность страх вытесняли трезвый анализ ситуации. В такой обстановке «коллективного психоза» (с. 428) неизбежно набирала силу хаотическая волна революции, уничтожающая все на своем пути и пожирающая своих сынов.

В советской (и последовавшей за ней российской) историографии принято считать, что приход к власти большевиков был предопределен, подготовлен и потому успешен. Булдаков отвергает этот нарратив, являющийся продуктом коммунистической идеологии. По мнению Владимира Прохоровича, «ничто в истории Великой российской революции не подвергалось такому упрощенчеству, как приход большевиков к власти. А обыденное сознание и ныне испытывает доверие к конспирологическим домыслам» (с. 378).

В условиях дезорганизованного общественного пространства, ожидающего скорейшего насильственного захвата власти, этот захват мог быть осуществлен только реальной силой, лидеры которой не были подвержены доктринерству и бесплодной говорильне. Возобладал старый принцип права сильного. И к октябрю 1917 года оказалось, что кроме большевиков, готовых взять власть силой, практически никого не было.

Булдаков отмечает, что «судьба революции решалась за счет “сомневающихся”, число которых в критических ситуациях всегда преобладает» (с. 381).

В случае русских революций сомнения масс были помножены на безрассудность, страх и особенности коллективного сознания, рассчитывающего на чудо, на авось.

Результатом такого массового психоза населения стала не только неспособность активного участия в созидательной деятельности, но и, напротив, прорыв самых низменных чувств и страстей. Автор описывает это так: «Казалось, проснулась та самая необузданная Русь диких степей, которую в течение столетий безуспешно пыталось укротить государство» (с. 416).

В результате проделанного осмысления исторического материала автор соглашается с тезисом Н. В. Устрялова о том, что сущность революции — «“не политическая, не буржуазная, не социалистическая”, а “биологическая”» (с. 416). В последней части своей работы Владимир Булдаков делится размышлениями об историческом процессе, часто определяемом специфическими особенностями человека как живого существа. Финал книги получился весьма философским. Он не только подводит черту под ответами автора на вопросы о прошлом, но и наталкивает читателей на мысли о настоящем и будущем.

Известно, что история — это союз между умершими, живыми и еще не родившимися. Кроме общего исторического пути все семьи, народы, человечество в целом объединяет ментальное сходство. Люди, как говорил герой М. Булгакова, за две тысячи лет мало изменились, «только квартирный вопрос их испортил». Вероятно, именно поэтому невыученные уроки истории так больно бьют по нам сегодня.

Людям зачастую кажется, что исторические события остались где-то далеко позади. На деле же они незримо сопровождают каждого из нас всю жизнь как причины и предпосылки сегодняшних радостей и печалей, побед и поражений. Прошлое невозможно стереть, исправить, с ним невозможно расстаться — его необходимо изучать, пытаться понять и осмыслить в неразрывной связи с днем сегодняшним. Владимир Прохорович Булдаков формулирует важный принцип нашей жизни: «Человек обречен на испытания историей по самой своей природе» (с. 424). Стало быть, уроки истории — это обязательное «домашнее задание» для всего человечества.

Список источников

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956. Т. 2. 432 с.

References

Stepun, F. A. (1956) *Byvshee i nesbyvsheesya. Tom 2 [Past and Unfulfilled. Vol. 2]*. New-York: Izdatel'stvo imeni Chekhova.

Информация об авторе: Антон Олегович Кондратенко — студент 4-го курса образовательной программы бакалавриата «Философия» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Information about the author: Anton O. Kondratenko — 4th year student of the Bachelor's degree program "Philosophy" of the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University). Address: 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024;
одобрена после рецензирования 01.09.2025;
принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 06.11.2024;
approved after reviewing 01.09.2025;
accepted for publication 10.09.2025.